

руководствуясь зажигательными тираноборческими монологами героев трагедии Сумарокова «Гамлет» (стр. 114).

Вряд ли также стал бы мотивировать Сумароков в разговоре с секретарем императрицы Козицким свой отказ сотрудничать в издаваемом Екатериной II сатирическом журнале «Всякая всячина» (1769) тем, что он свое перо не в чернила, а в желчь

окунает... (стр. 294). Надуманными представляются нам глубокомысленные ученые беседы, которые якобы вел Сумароков со своей женой. Но, к счастью, таких натяжек в повести немного.

В целом же А. Западов верно воспроизвел черты давно минувшей исторической эпохи.

Л. СВЕТЛОВ

РОМАНТИЗМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ *

Перед нами книга Эмилио Карилья «Романтизм в Испанской Америке» — первое вышедшее в переводе на русский язык исследование литературного процесса в континентальном масштабе. Изучение литературного движения XIX столетия в Латинской Америке интересно для нас и само по себе, и из-за тех связей, которые уже тогда существовали между латиноамериканскими и русской литературами. Уже в конце 20-х — начале 30-х годов в России появляются первые заметки, знакомящие русского читателя с бразильской литературой. Несколько позже Пушкин перевел стихи Гонзага, а Белинский в «Телескопе» опубликовал статью, содержащую обзор бразильской литературы за четыре столетия. Во второй половине XIX века интерес к литературе Латинской Америки в России еще более возрос. Отражением этого возросшего интереса явилось опубликование в переводе на русский язык романа «Амалия» одного из самых крупных аргентинских романтиков Хосе Мармоля¹.

Изучение испаноамериканской литературы XIX века имеет, на наш взгляд, особое значение еще и потому, что именно в нее уходят корни современной литературы. И чтобы разобраться в пестрой, противоречивой, многоплановой литературе наших дней, крайне полезно обратиться к прошлому веку.

Свое исследование литературы латиноамериканских стран автор ведет на широком историческом и социальном фоне. XIX век — век романтизма. Он сыграл в Латинской Америке особую роль, будучи в значительной степени выражением протеста против длительного духовного господства испанизма. Э. Карилья в своей работе подчеркивает историческую обусловленность этого течения в эпоху, когда Латинская Америка освободилась от испанского колониального ига и вступила на путь национальной независимости. Э. Карилья указывает на романтические черты в биографиях исторических деятелей и поэтов, ищет романтику в самой жизни, чтобы понять романтизм в литературе. Внимательный взгляд историка останавливается и на таких жанрах, которые, к сожалению, зачастую остаются вне поля зрения историков ли-

* Эмилио Карилья, Романтизм в Испанской Америке, «Прогресс», М. 1965, 470 стр.

¹ См.: Л. А. Шур, Россия и Латинская Америка, «Мысль», М. 1964.

тературного процесса. Специальные разделы рецензируемой книги посвящены мемуарной и автобиографической прозе, дневникам и прессе, что еще больше раздвигает границы наших представлений об общественной роли романтизма в Испанской Америке. Не случайно автор сочувственно цитирует работу перуанского ученого Г.-А. Отеро «Американская пресса»: «Средством распространения и пропаганды романтизма была газета».

Содержательна также оценка роли театра в художественном движении эпохи. Автор стремится осмыслить его всесторонне: охарактеризовать актеров, репертуар, публику.

Вообще же главы, посвященные обзору сложнейших и интереснейших проблем — теории романтизма, тем, жанров, языка, стиха, — читаются с наибольшим интересом, хотя не со всеми мыслями автора о стихосложении можно согласиться. Тонки и верны размышления над путями становления романтизма в Латинской Америке. Автор показывает, что этот процесс начался с лирики и лишь затем постепенно охватил и другие литературные жанры (в отличие от классицизма, оплотом которого была драматургия).

Обобщающее исследование по романтизму в Испанской Америке (как признает сам автор) пока еще не написано. При всем уважении к заслугам Э. Карилья мы, к сожалению, должны в этом с ним согласиться. Автор, несомненно, собрал обширнейший материал, классифицировал его, сделал целый ряд интересных и метких наблюдений. Особого уважения заслуживает труд исследователя, накопившего исчерпывающую библиографию по данной теме. Однако его труд не может еще, на наш взгляд, претендовать на исчерпывающее ис-

следование темы. Прежде всего в книге не определено общее понятие романтизма и недостаточно раскрыто конкретное содержание, которое автор вкладывает в этот неоднозначный термин. Такая расплывчатость в понимании романтизма приводит, например, к нечеткой характеристике Шекспира в главе, посвященной влияниям европейских литератур на литературу стран Испанской Америки, — Шекспир выглядит здесь романтиком, что, безусловно, антиисторично. Кстати говоря, главы, рассматривающие эту проблему, представляются наименее убедительными: автор не анализирует, в чем заключалось то или иное влияние и чем оно было вызвано, а ограничивается длинными списками европейских и испано-американских писателей.

Неисторичен также принцип периодизации, которому следует Э. Карилья. Понятие «поколение» как критерий историко-литературного развития выдвигалось еще в 30-х годах нашего века немецкими учеными Ю. Петерсеном, Г. Цизаржем и др. Позже эта мысль была подхвачена и во Франции (Анри Пейр), и в Латинской Америке (Х.-Х. Арром, Э.-А. Имберт, Х.-А. Портуондо). Вряд ли нужно доказывать субъективизм и произвольность в применении такого принципа периодизации историко-литературного процесса.

Книга разделена на маленькие — иногда в несколько абзацев — главы; это невольно приводит иной раз и к дроблению мысли. Подчас эти главы носят характер беглых, фрагментарных зарисовок. Создается впечатление недоговоренности, недосказанности — автор как бы обрывает себя на полуслове.

Интерес широкого читателя нашей страны к самобытной и богатой литературе Латинской Америки по-

стоянно возрастает. Все больше и больше издается на русском языке книг латиноамериканских авторов — как классиков, так и наших современников. И книга Э. Карилья, посвященная широкой, малоисследо-

ванной теме, безусловно будет полезна нашему читателю, уже знакомому с крупнейшими памятниками романтизма Испанской Америки.

Е. ЛЮБИМОВА

ПУТЬ УЧЕНОГО*

Давно назрела потребность в издании истории советской филологической науки. Уже много сделано для ее написания: разработана историография отдельных филологических дисциплин, собраны материалы к библиографии выдающихся советских литературоведов. Так, недавно в серии «Материалы к библиографии советских ученых» вышла книга, посвященная члену-корреспонденту АН СССР В. М. Жирмунскому. Сборник открывается летописью его жизни и деятельности. Перед нами проходят «труды и дни» ученого, рожденного нашей эпохой и в то же время тесными узами связанного с лучшими традициями дореволюционной отечественной науки. Характеристика научно-исследовательской, педагогической и общественной деятельности В. Жирмунского дана в превосходно написанном очерке П. Беркова. Центральную часть рецензируемой книги занимает список трудов Виктора Максимова. Список этот составлен с исключительной тщательностью. Учены и наиболее важные отклики на работы ученого. Пользование списком облегчают удачно составленные указатели.

Разумеется, учтены лишь печат-

* «Виктор Максимович Жирмунский. Материалы к библиографии ученых СССР». Серия литературы и языка, вып. 5. Вступительная статья П. Н. Беркова. Библиография составлена Р. И. Кузьменко, «Наука», М. 1965, 94 стр.

ные труды В. Жирмунского. Но, обращаясь к ним, мы вспоминаем и о многочисленных устных отзывах Виктора Максимова на труды молодых и не только молодых ученых, его выступления на научных заседаниях, его напутственные слова, вводившие многих в науку. Огромная, разносторонняя филологическая эрудиция, исключительное трудолюбие, влюбленность в науку и безграничная преданность ей, точность в обращении с фактическим материалом, постоянное внимание к вопросам научной методологии и методики — вот черты, характеризующие ученого.

Путь В. Жирмунского, как известно, был сложным, не все написанное выдержало испытание временем. Но работы его учат многому. И тому, что ученый не должен гнушаться так называемой черновой работы, кропотливых библиографических и архивных разысканий. И тому, что литературоведческие труды могут быть созданы в самых разных жанрах. Среди его исследований и монографий по теоретическим вопросам, и образцы детальнейших текстуальных изысканий. Достаточно вспомнить статью «Задачи поэтики». Первоначальный вариант ее относится к 1919 году. Затем она несколько раз перерабатывалась — вплоть до 1928 года, когда была включена в известный сборник «Вопросы теории литературы». С тех пор прошло около сорока